

ПРОЛОГ

Проходческий щит «Наташа» дошел до финальной перемычки в 14:47 по московскому времени.

Этого момента все ждали. Ждали давно — с половины второго. Успели устать ждать. Духовой оркестр уже дважды прогонял туш вхолостую, чтобы не терять форму. Пионеры переминались с ноги на ногу, шушукались, кто-то успел потерять галстук, кто-то испачкал белую рубашку конфетой. Ветераны сидели на принесенных из автобуса табуретках, вполголоса переговаривались, тихонько передавали друг другу чекушку с перцевкой. Начальники стояли группой чуть в стороне, степенно беседовали о чем-то своем, им тоже хотелось чекушку.

Корреспондент Ермаков, похожий на Павку Корчагина из кино, репетировал перед камерой, стоя под транспарантом «КОМОВСКИЙ ТОННЕЛЬ — ПОДАРОК МЕТРОСТРОИТЕЛЕЙ XXV СЪЕЗДУ КПСС».

— Свой трудовой подвиг метростроители посвятили... — патриотично повысил голос Ермаков, осекся и закончил нормальным тоном: — Я не бликую?

— Бликуешь, — сказал оператор Витя из-за камеры. — Любой забликует. Ты уже пятый раз это говоришь.

— Шестой, — сказал Ермаков. — Отстань.

В 14:52 из тоннеля донесся хлопок.

Негромкий. Такой, что не сразу было понятно, что-то произошло или показалось. Не показалось. Из тоннеля повалила пыль — плотно, быстро, белым накатом — и накрыла всех.

Некоторое время в пыли слышались пионерские визги и ветеранские матюки.

Когда пыль начала оседать, оператор Витя обнаружил, что по-прежнему смотрит в видеоискатель. Это было правильное профессиональное решение, хотя он его не принимал.

— Все живы? — спросил кто-то.

— Пазуха, что ли, взорвалась? — пробурчал один из ветеранов метростроя, серый от пыли и недовольный. В руке он сжимал чекушку.

— Какая пазуха, — отозвался другой. — Ты вообще видишь, что там?

Ветеран привстал и посмотрел.

— Это что? — спросил он.

Никто не ответил.

Из тоннеля бил свет — дневной, настоящий, совершенно неуместный на глубине пятидесяти метров под городом. В вертикальном срезе, где только что была порода, теперь было небо. Горы. Зелень. Густая, темная, незнакомая. Ветер оттуда

шел теплый и пах чем-то, чему никто не мог подобрать названия.

Ермаков, поразмыслив, шагнул к барьеру. Нащупал границу — почти ничего, будто теплая пленка, — и сунул сквозь нее руку.

— Ты что делаешь, — без вопросительной интонации сказал ветеран с чекушкой. Просто констатировал.

— Не знаю, — честно сказал Ермаков.

Рука прошла сквозь барьер свободно. По ту сторону был ветер. Ермаков пошевелил пальцами.

Летучки вылетели из зарослей молчаливой стайкой — небольшие, крылатые, штук двадцать или тридцать. Летели плотно и быстро, прямо на торчащую из барьера руку.

— Убери руку, — сказал ветеран.

Ермаков убрал.

Летучки врезались в барьер. Белые вспышки — короткие, яркие, одна за другой. Вот они были, и вот их нет, рассыпались в пепел. Ветер с той стороны подхватил его и унес.

Стало тихо.

Витя оторвался от видеоискателя и посмотрел на барьер просто так, своими глазами. Потом посмотрел на Ермакова и хрипло, но с душой выругался.

— Ты снимал? — спросил Ермаков.

— Снимал, — сказал Витя.

— Хорошо, — сказал Ермаков.

Он не знал, почему это хорошо. Просто казалось важным, что событие зафиксировано. Пленка не врет.

Ветеран с чекушкой подошел ближе и посмотрел на барьер с выражением человека, которому предстоит рассказывать все это мужикам во дворе так, чтобы они поверили.

— Ну, — сказал ветеран и сплюнул, — вот тебе и XXV съезд.

Отхлебнул и протянул чекушку Ермакову.

Ермаков не отказался.

ГЛАВА 1

Дождь кончился полчаса назад, и город стоял умытый, блестящий и какой-то ненастоящий, будто его только что вынули из коробки и еще не успели обмять. Асфальт дымился. В лужах лежало небо — целиком, со всеми облаками, и в лужах оно было красивее, чем над головой.

А в настоящем небе над реновационными девятиэтажками творилось невозможное.

Огромная птичья стая ходила кругами — не стая даже, а одно длинное живое тело. Оно свивалось в жгут, растягивалось в полотнище, опадало вниз темной воронкой и снова взмывало, и все это без единого сбоя, без единой отставшей птицы, будто там, наверху, кто-то очень умело управлял массой живых тварей, превращая их в единый послушный организм.

Мурмурация.

Вот как это называется.

Хруст, задрав голову, стоял на площадке перед автосервисом. В зубах у него давно погасла сигарета, но он этого не замечал.

Мурмурация.

Слово всплыло само, готовое, с ударением на нужном слоге. Это было странно, потому что

Хруст решительно не помнил, где мог его подцепить. Не в школе. В школе он вообще мало что подцепил, кроме умения тихо сидеть у окна. Не по телевизору. Он и телевизор-то смотрел, как смотрят на работающий вентилятор, — чтобы в комнате было не так тихо.

Мурмурация.

Смешное слово. Будто котик мурчит на руках у подруги.

Подруги, впрочем, не было. Была когда-то. Ушла молча, незаметно, как уходит вода из плохо закрытой ванны: ночью полная — утром пустая, и никакого шума.

Мурмурация свилась в узел и разошлась широким веером. На секунду Хруст поймал себя на том, что улыбается. Красиво. Успокаивает, как огонь или река.

И тут же, поверх этой мысли, без всякого перехода, легла другая: «Огнемет!»

Он поймал ее на лету, как ловят стакан, съезжающий со стола.

Взять огнемет и выжечь все это к чертовой матери, пока оно не собралось во что-нибудь страшное.

Хруст постоял, ощущая, как медленно и тяжело стучит сердце.

Мысль была не его.

То есть его, разумеется, чужих мыслей в голове не бывает, но она пришла не той дорогой, какой обычно приходят мысли. Не выросла из предыду-

щей, а просто оказалась на месте, как будто лежала там всегда, а он только сейчас на нее наступил.

Что хуже всего, у мысли было продолжение.

Хруст ясно, отчетливо, с досадой человека, исправляющего чужую ошибку, подумал: *«Нет. Огня они не боятся. Они боятся другого»*.

Он затаился погасшей сигаретой, вынул ее изо рта и посмотрел так, будто она могла что-то объяснить.

Кто — «они»?

Птицы. Обыкновенные скворцы или какие-то другие крылатые твари, кто там ходит стаями над спальным районом в середине сентября.

У птиц нет зубов. Птицы боятся кошек, мальчишек с рогатками и стеклянных стен, о которые бьются насмерть.

При чем тут огнемёт? При чем тут «боятся другого»? И почему в затылке от этой фразы возник ровный, спокойный холодок узнавания, будто он сдал экзамен по предмету, который никогда не изучал?

Голова у него в последнее время работала со странными перебоями. Как радио на даче: играет-играет — и вдруг сквозь музыку прорезается чужая станция; две секунды — и опять музыка.

— Куда уставился, боец? — вкрадчиво донеслось справа.

Банзай подошел, как всегда, бесшумно. Была у него такая манера — материализовываться. Больше центнера живого веса, кроссовки сорок

— Напитки я подгоню, — пообещал Джаба. — Сухими не останемся.

— Ты лучше телочек подгони, — сказал Чилим.

— Надоели резиновые? — хмыкнул Хруст.

— А пенделя?! — обиделся Чилим.

Он попытался пару раз достать Хруста ногой, но тот с хохотом уворачивался — легко, почти лениво, чуть смещая корпус, и опять где-то на краю сознания шевельнулось: «*Слишком легко*». Так уворачиваются не от Чилима.

У Банзая зажужжал телефон. Он глянул на дисплей, и лицо у него стало служебное.

— Ша, пацаны, у меня заказ! Потом потрындим. Вроде, всё порешали?

— Да вроде, — отозвался Хруст.

— Тогда по машинам!

Чилим все-таки улучил момент и пристроил Хрусту смачный поджопник.

— Ну ты гад! — взвыл Хруст, рванул за ним и не догнал: тот с хохотом рыбкой нырнул в такси.

— Банзай, гони! — заорал Чилим из салона. — Нам кранты, Хруст на измене!

— За мной должок!

— Я прощаю! Не, вы видели, как я его припечатал?

Банзай, по обыкновению, рванул с места так, будто за ним гнались, и едва не поцеловался с родстером, вкатывающимся на площадку. Машина была из тех, что не ездят по этому району, а появляются в нем, как появляется в коммунальной кух-

не человек в белом костюме — очень редко и ненадолго. Низкая, длинная, цвета мокрого графита, она втекла на площадку и остановилась возле Хруста мягко, без единого лишнего движения.

За рулем сидел загорелый мужчина машине под стать — с серебром в волосах, моложавый, сухой, крепкий. Воплощенное здоровье, в которое вложены немалые деньги. Ни грамма лишнего жира, кожа гладкая, руки на руле лежат спокойно, как у человека, никогда никуда не опаздывавшего, потому что не он подстраивается под время, а время под него.

— Привет, — сказал он дружелюбно. Голос соответствовал всему остальному — глубокий, теплый, с бархатной подкладкой. На мужиков с таким голосом бабы вешаются гирляндами, потому что любят ушами. — Подвеску глянешь?

— Заезжайте, — сказал Хруст.

Клиент мазнул по нему взглядом, и Хруст зябко передернулся.

Взгляд был холодный и острый, и, главное, он не смотрел, он *трогал*. Так смотрит не покупатель на товар, а хозяин на вещь, которую уже купил и теперь проверяет, в порядке ли она после хранения. Долю секунды у Хруста было четкое ощущение, что в голову ему без спроса залезли рукой, по локоть, спокойно, деловито, пошевелили там что-то, потом руку вынули и обтерли салфеткой, которую тотчас выбросили.

Бр-р-р.

Ладно. За свою недолгую карьеру в этом авто-сервисе он повидал всяких. Главное, чтобы платили. Остальное... да пофиг на остальное!

Через несколько минут могучий родстер беспомощно висел на подъемнике, а Хруст ковырялся в подвеске, подсвечивая себе лампой-переноской. Пахло горячей резиной и мокрым бетоном. С днища капало, капли расходились по полу черной лужей.

Клиент стоял поодаль, руки в карманах, морда доброжелательная и любопытная. Наблюдал. Хруст готов был держать пари, что не за его руками и не за другими частями тела. Взгляд ввинчивался в затылок ровно, как саморез.

— Армейская? — вдруг спросил клиент.

— А? — Хруст вздрогнул от неожиданности.

— Я говорю, татуха армейская?

Хруст наконец понял, о чем речь. Наколка на плече: два пересекающихся круга, а под ними щит, меч и автомат.

— А-а, ну да. Типа того.

— Где служил, если не секрет?

— Остров Симушир, — сказал Хруст, возвращаясь к работе. — Это на Курилах.

— И как там?

— Как в раю. Посреди океана торчит сопка Дунькин Пуп, а на ней взвод солдат и три зверя: алкаш майор, сволочь старшина и овчарка Сайра. И все воют от скуки.

Хруст рассказывал это, наверное, в сотый раз, и в сотый раз слова звучали гладко, отработанно,

как любимый анекдот. И только сейчас, произнося «овчарка Сайра», он поймал себя на неприятном: он не мог вспомнить эту собаку. Ни морды, ни масти, ни как она пахла мокрой шерстью. Фраза была, а собаки за ней не было.

— Смешно, — ровным голосом сказал клиент. — В мое время говорили, что жизнь у солдата — как в курятнике: где догонят, там и трахают.

Хруст вежливо хмыкнул.

— Сейчас, наверное, наверстываешь упущенное? Пивасик, девочки, все дела?

— Имею право. — Хруст повернулся к нему. — Подвеска в норме.

Клиент кивнул. Не переспросил, не полез смотреть, не сказал «а вот стучит на кочках» — ничего из того, что говорят люди, приехавшие чинить машину. Он кивнул так, будто знал ответ заранее и приехал за чем-то другим.

Хруст положил переноску на стол и опустил подъемник. Внутри лакированного корпуса сработала сложная система рычагов и пневматики, машина мягко присела на широких колесах, точно большая кошка, которая решила, что прыгать пока рано.

— Отличный аппарат, — не сдержался Хруст. — Чуть притопил — и все глотают мою пыль.

— Это да.

— Эс-тэ-эс можно?

Клиент протянул документ. Хруст стал заполнять счет, и в тишине было слышно, как тикает, остывая, металл.

— Знаешь, — сказал клиент с непонятым нажимом, — я тоже люблю быть первым. А еще лучше — единственным.

Для него эти слова явно что-то значили. Хруст не ответил, он вообще не был уверен, что тут требуется ответ. Просто протянул заполненный счет.

Клиент не взял бумагу. Мотнул головой и подсунул под лампу-переноску несколько купюр привычным жестом человека, который всю жизнь что-то куда-то подсовывает. И сел в машину.

Хруст скосил глаза: денег было существенно больше, чем стоила диагностика.

Ну ладно.

На чай с барского плеча.

С улицы неторопливо подошел Палыч, хозяин автосервиса, встал поодаль, дожидаясь, пока родстер выедет. Уже выкатившись из бокса, клиент обернулся к Хрусту:

— Димон, наслаждайся жизнью по полной! Главное, чтобы потом было что вспомнить!

Он засмеялся тем самым бабо-с-ног-сшибательным смехом, очень довольный собой, газанул и бодро ушел на трассу.

Палыч проводил машину взглядом.

— Веселый мужик. Знаешь его?

— Первый раз вижу! — ответил Хруст резче, чем хотел. — Бабки на столе, под лампой.

Проверить, сколько там на самом деле, не хотелось. На чай так на чай.

Настроение испортилось окончательно, и все не из-за денег.

Он не называл своего имени. Точно не называл. В счете фамилии исполнителя нет, на робе нет бирки, хозяин не подходил, пока клиент не сел в машину.

Значит, «Димон» взялось ниоткуда.

Взялось так же, как «мурмурация».

Как огнемет.

Как собака Сайра, которой он не помнит.

«Главное, чтобы потом было что вспомнить».

Коз-зел...

Хруст схватил швабру и принялся остервенело сгонять с пола натекшую с родстера грязную воду — размашисто, зло, будто мог заодно согнать и все остальное. Вода не хотела уходить в трап, шла обратно тонкими языками, и в ее черном зеркале отражалось что-то серое: облака в проеме ворот, а в облаках стоя, все еще выписывающая свои узоры над районом, как скринсейвер на экране компьютера.

Хозяин тем временем выдернул из-под переноски деньги, пересчитал, удивленно хмыкнул и повернулся к Хрусту, собираясь что-то сказать.

Лампа поехала по столешнице. Тяжелый жесткий шнур перевесил, стянул ее к краю — медленно, солидно, без всякой спешки, как все неотвратимое...

Лампа сорвалась вниз и разлетелась вдребезги прямо в луже.

Она была еще подключена к сети.

Через воду пробило знатно.

Мир сложился в белую вспышку.

Хруста подбросило, выгнуло, шваброй он снес со стола подставку для ручек, дырокол, степлер, что-то еще канцелярское, и оно посыпалось с грохотом, который он уже не услышал, потому что звук кончился раньше, чем свет.

Пахло горелым и озоном. Сквозь этот запах — коротко, отчетливо, невозможно — пробился другой: теплый ветер, густой, зеленый, чужой. Ветер, которому в этом боксе, в этом городе и на этой планете взяться было решительно неоткуда.

«Я знаю этот запах», — успел подумать Хруст.

И упал в фонтане искр и клубях пара.